

репортаж

лыми зонтами три кинокамеры (люди как-то выдерживают это «солнечное давление»), работают, а вот аппаратура без зонтика не может). Двумя из них командуют операторы-постановщики Александр Яновский и Эдуард Тимлин. Над третьей — «рапидной» — колдуют комбинаторы.

— Мотор! Хлоп! Взлетает в небо шипящая ракета-сигнал. За соседним холмом зашевелились колья, знамена, перья на шлемах — и вот из-за поворота рысью выходит рыцарская конница, переводит лошадей в галоп и устремляется в атаку на кинооператоров, которые, похуже, хотят просто подлупить экзотического противника поближе, чтобы затем открыть по нему огонь из трех своих причудливых орудий. Но, словно почувствовав опасность, авангард, доскакав до некоей невидимой черты, резко сворачивает вбок и уходит из кадра, уводя за собой и все войско.

Снято. Виктор Гресь поднимается на гребень скалы, за которой скрылись всадники, и вдруг кричит: «Ребята! Быстро камеру сюда!» Вокруг аппаратуры возникает легкая паника, переместить камеру с одной точки на другую не так-то просто. Ассистенты лихорадочно все развинчивают, бегом переносят многочисленные отдаленные части, вновь собирают их. И тут же, даже без хлопучки, начинается съемка непредусмотренного кадра: всадники, полагая, что сейчас перерыв между дублями, расслабились, кто-то снял шлем, кто-то «не по уставу» держит копьё, кони бродят туда-сюда в этом небольшом естественном загоне, — кадр выстроился сам, в нем сейчас есть некая полубивачная атмосфера, полная насрапетированной жизни. Еще секунда — и это

«Долина святости»

Рабочий момент. Слева — режиссер-постановщик В. Гресь

Моргана (А. Вертинская) и король Артур (А. Филозов)

Небольшой таджикский городок Исфара расположен в 600 километрах от Душанбе, практически на пересечении трех союзных республик. Шаг в сторону — и ты уже в Узбекистане, на дороге в Коканд. Шаг в другую — и ты в Киргизии, где можешь искупаться в изумительном горном озере. Дождь здесь — явление редчайшее, исключительное. Вода поступает с ледников Памира, смежные вершины которого постоянно — откуда ни смотри — присутствуют на горизонте. Стоит солнцу чуть переместиться — и весь ландшафт преобразуется: новые тени «сдвигают» горы, меняют их рельеф и даже цвет почвы. Это обстоятельство, естественно, не облегчает жизнь съемочной группе Киевской киностудии имени А. П. Довженко, ведущей здесь, в окрестностях Исфары, работу над фильмом «Новые приключения янки при дворе короля Артура».

Я стою на вершине высокого холма, по крутому склону которого вскарабкался, еле поспевая за режиссером Виктором Гресем, с утра пораньше, пока солнце не так припекало. График съемок здесь такой: с утра до двенадцати часов дня, потом — когда самое пахло — перерыв и с шестнадцати часов вновь снимают до заката. Сорок три по Цельсию — самая обычная для здешних мест температура. Неподалеку притаились под большими бе-

Хэнк — С. Колтаков

«НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЯНКИ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА»

может уйти, но... На сей раз повезло: успели снять. Живое мгновение поймано.

Съемка документального, можно сказать, хроникального кадра из жизни рыцарей — согласитесь, такое не каждый день увидишь.

Внутрителен актерский состав в фильме: А. Филозов (король Артур), А. Кайдановский (Ланселот), А. Вертинская (Моргана, сестра Артура), Е. Евстигнев (архиепископ), В. Сошальский (Саграмор), Е. Финогеева (королева Гиневра). Главную же роль, Хэнка Моргану, современного американца, попадающего в средневековье, исполняет один из самых, на мой взгляд, интересных сегодня молодых актеров — Сергей Колтаков (см. о нем в моей статье «Актер. Начало биографии», «СЭ» № 14 за 1985 г.). Его подружку Сэнди играет актриса Евдокия Германова, признанная лучшей исполнительницей женской роли на недавнем фестивале молодых кинематографистов в Москве.

На руках у Виктора Греся, таким образом, целый набор актерских «козырей». Это уже само по себе непустое искусство — собрать подобный ансамбль. Вот Кайдановский, к примеру, несколько

лет категорически отказывался сниматься, уйдя в режиссуру, а тут согласился. Причем, как и прочие исполнители, согласился на заведомо нелегкую жизнь. Работать у Греся тяжело, не каждый выдержит. Режиссер, что называется, беспощадный — если надо, заставит сделать и невозможное. Он, однако, имеет моральное право на это, поскольку беспощаден прежде всего к самому себе. Я видел однажды, как, получив накануне тепловой удар, Гресь на следующий день все равно приехал на площадку и продолжил съемки — с высокой температурой, еле двигаясь, с трудом разлепляя веки, он упорно не желал «выпускать» происходящее из-под контроля даже на короткое время. Обычно же Греся видят в пяти-шести местах одновременно. Только что он был здесь, обсуждая с операторами предстоящий кадр, а в следующее мгновение он уже на вершине горы в полуклометре отсюда, по пути умудрившись лично раздать обмундирование сотне участников массовки. Он всегда успевает до мельчайших деталей проверить работу костюмеров, художников, гримеров, реквизиторов и, очевидно, рад был бы проделать вообще все сам, за них, чтобы уж

точно быть уверенным в любой мелочи. Но на это даже его неуемной энергии не хватит. Правда, можно только мечтать о таких помощниках, как, например, Юлий Тихонов, «Мастер Юлиан», как иногда полушутя-полусерьезно называют его в группе. Шутя — потому, что ему, бывшему бутафору киевского молодежного театра, всего 23 года, так что чаще всего его величают просто Юликом. Серьезно — потому что его мастерство и впрямь поразительно: вдвоем с помощником в короткий срок он выковал для фильма пять железных рыцарских доспехов по всем правилам средневекового искусства. И привел в порядок одни подлинники, которые уже снимались у Греся в его знаменитой «Черной курице». Причем выполнено все по мерке — на конкретных актеров.

— А как средневековый рыцарь оценил бы вашу работу? Неужели действительно принял бы эти латы за настоящие?

— Ну, воевать в них, конечно, нельзя — по той причине, что железо я выбрал самое тонкое, какое только возможно. Чтобы актерам было все-таки полегче. Но как парадные доспехи, я думаю, они

были бы вполне приемлемы. Я даже кое-что усовершенствовал в плече: в настоящих латах рыцарь не смог бы сделать такой замах...

Да, латы выглядят впечатляюще. Однако когда актеру приходится стоять в этом железе на открытом солнце... Не могу забыть тот тяжелейший день, когда снималась сцена примирения Морганы с королем Артуром. Кадр был сложным: на переднем плане сближаются Вертинская и Филозов — оба в полном боевом облачении, — она вручает ему свое копьё, они обнимаются — и все это происходит на фоне постоянных перемещений конницы на заднем плане. Часа три простояли на открытом пространстве друг против друга Вертинская и Филозов — пока выстраивали конницу, ждали ветра, чтобы развернулся флаг. Пока снимали, повторяли... Мокрые тряпки, которыми в перерывах прикрывали доспехи, высыхали прямо на глазах. Актеры держались с удивительным мужеством и очень эффектно провели эту сцену. Как красиво выглядела она потом на экране.

Снимается финал фильма. Старый рыцарь Ланселот вместе со своим маленьким учеником (Миша Деметьев) подъезжают к гигантскому колоколу, криво вросшему в пустынную, бесплодную землю. Колокол стоит на возвышенности посреди совершенно нереального, какого-то марсианского пейзажа. Фантастические переплетения бугристых скальных «мускулов» и «сухожилий» сами по себе рождают образ умершей в последнем судорожном усилии земли, образ всемирной катастрофы, столь нужный здесь режиссеру. Вдобавок создается впечатление, будто скалы эти расписаны неким сумасшедшим сюрреалистом: гигантские цветочные пятна, яркие, свежие, словно еще не просохшие, сталкиваются здесь, на огромных пространствах в нарочито контрастных, невозможных сочетаниях.

— Виктор Степанович, — говорю режиссеру, — вам ведь не поверят, что это снято «с натурой». Скажут, что вы скалы раскрашивали.

— Пусть скажут, не страшно, — смеется Гресь.

— Скажите, а как складывались ваши «взаимоотношения» с Марком Твенем? Ведь его всем известный роман претерпел в сценарии значительные изменения.

— Поначалу намеревались вообще по возможности уйти от Твена, поскольку мне лично казалось, что роман этот во многом устарел. Но в процессе работы мы поняли, что, уходя от Твена, мы в конце концов пришли к нему же. История нашего века — лучшее доказательство тому, что у технического прогресса есть и оборотная сторона. Сегодня мы прекрасно знаем то, о чем Твен мог только догадываться, — сколь губительными могут оказаться последствия иных изобретений. И все же машинный, научный прогресс — это благо. Да он попросту данность, его же нельзя остановить! Однако негативную его сторону должен обязательно компенсировать прогресс духовный, нравственный — на него вся надежда. Иначе будет беда. Мысль не новая, но, как никогда, актуальная. Ради нее мы и делаем этот фильм.

А. ДЕМЕНТЬЕВ

А. Кайдановский сыграл роль Ланселота

Фото С. Иванова и В. Гавричкова

